

Татьяна Марч Школьный роман, или Хроники нашего «В» класса с письмами и стихами

*Какая, в сущности, смешная
вышла жизнь...*

Группа «Високосный год»

Февраль 2008 года, Прибалтика.

Если бы мне ещё два месяца назад сказали, что я полечу на Сахалин — в жизни бы не поверила. Я уехала оттуда три года назад с твёрдым убеждением, что больше туда не вернусь. Причин не возвращаться много, но главная из них в том, что я очень боюсь летать на самолётах, а как ещё доберёшься до острова, да к тому же такого далёкого? И вдруг...

Собственно, с одноклассниками — теми, кто жил или оказывался на Сахалине — мы собирались часто, уж раз в год — обязательно, традиционно в первую субботу февраля. Поэтому я, конечно, знала, что и в этот, юбилейный раз, наши, как всегда, соберутся и это дело отметят. Сама я лететь не собиралась не только из-за своей аэрофобии, но и по причине жесточайшего и длительного безденежья в моем семействе — последние три года

уж очень у меня всё сложно в этом смысле.

Декабрь 2007 года, из письма Серёжки Кузнецова:

«Хочу слетать в Южный на встречу выпускников. Мишка вроде тоже собирается. Сейчас потихоньку пытаемся организовать на это мероприятие. Миша грозитя крупно потратиться. Сообщили нашим в Южном. Надеюсь, что с приближением срока процесс не угаснет (наверное, надо билет купить по невозвратному тарифу, чтобы потом не отвертеться)».

Кузя в Москве живёт, и всё у него по жизни нормально сложилось: и человек он обеспеченный, и семья у него хорошая. Долго о нём никто из наших ничего не слышал, на встречи он не приезжал, переписку ни с кем не вёл, всего полгода назад он вдруг «нашёлся». Из-за возраста, что ли, сентиментальным стал? Вышел он на нас, между прочим, через популярный ныне сайт «одноклассники. ру». Но его все эти годы вспоминали: интересно, где сейчас, как там поживает наш Кузя? В школе многие наши девчонки были в него безответно влюблены. Он был немногословен и, как мне всегда казалось, внутренне «закрыт», никогда не выказывал своих

чувств. Кузя всегда со всеми был вежлив, ни с кем, по-моему, не ссорился, учился на твёрдые четвёрки и ни в каких хулиганствах не участвовал.

Ну, а Мишка... В школе он был троечником и скандалистом. После школы жизнь у него сложилась очень бурно, и кидало его то на самое дно, то наоборот. Наконец, в последнее время Мишка преуспел в бизнесе, стал не просто обеспеченным человеком, а миллиардером, во! Я Мишку видела последний раз лет пятнадцать назад, когда он прилетел на очередной февральский вечер встречи прямиком из Италии. Тогда он ещё был просто «долларовым миллионером», чем очень гордился. Нам с Викой мужа до сих пор тот вечер припоминают: сначала шла гульба в одном ресторане, потом перебрались в другой, потом на квартиру к Лёшке Короткову из «Б» класса, потом Мишка проводил меня домой... Короче, добрались до дома (что я, что Вика) часам к пяти утра! Потом мой муж недоумевал по поводу чужих мужских перчаток у нас дома, а я далеко не сразу вспомнила, чьи они и откуда. Н-да...

Ну так вот. Жила я себе, жила спокойненько, в декабре ещё и мыслей не было про путешествие. Правда, сон мне тогда странный приснился: встреча одноклассников, где и Кузю вижу, и Вику, и Маринку. Утром подумала: очень странный сон, никак мы не можем встретиться ни с Кузей, ни с

Маринкой. Уже много лет не виделись, и никогда ни Кузя, ни Маринка на встречи выпускников не приезжали, да и я никуда не поеду в этот раз...

А в январе так быстро всё завертелось, и в один прекрасный день меня просто забросали эсэмэсками с Сахалина о том, что Мишка оплачивает всем желающим проезд на Сахалин, оплачивает все расходы на грандиозный вечер в ресторане и последующий отдых в гостевом доме. Да ещё работает группа журналистов, которые будут снимать сюжеты про всех нас — даже в гости к нам ко всем приедут — и сделают фильм про наш выпуск.

Конечно же, сразу на Сахалине образовалась «рабочая группа» — уж чего-чего, а энергии и умения организовать наших ребятам не занимать!

Январь 2008 года, письмо на Сахалин.

«Привет, дорогая Викуля!

Твоё сообщение вызвало у меня массу эмоций. Хочу написать тебе предельно откровенно, только, ради Бога, умоляю, не выноси это на обсуждение — это лично для тебя.

Я всё же решила не ехать. Основные причины две: финансовые проблемы и моя непреодолимая аэрофобия.

Насчёт страха. Я, конечно, написала

(Лариске) про необходимость для меня таблеток как основное условие наравне с деньгами, но если реально смотреть на вещи, никому до этого дела не будет, и я окажусь в ситуации, когда вот они — билеты, и вот он — самолёт, а защиты нет. То, что при этом чувствуешь, невозможно представить человеку, если он не страдает от этого (я, к примеру, тоже не понимаю, что страшного может быть в пауках или микробах на ручках дверей и т. п.). А я, представь, все эти дни уже (!) мучилась, хоть лететь предстояло только через полтора месяца, и даже радость от предстоящих встреч не могла это перебороть.

Теперь о финансах. У меня сейчас нет денег на многие самые неотложные нужды, даже на лекарства, поэтому искать дополнительно деньги на поездку я не в состоянии. Подчёркиваю: я не воспринимаю всё это как трагедию. Да боже мой, у всех у нас свои сложности и жизненные испытания: у кого-то со здоровьем, у кого-то с детьми и т. д. Ну, у меня вот такое испытание — безденежье. Ты же знаешь, я неисправимый оптимист по жизни и пишу тебе это не для того, чтобы поплакаться в жилетку. Моя абсолютная убеждённость в том, что мы все платим за что-то лично своё, что получаем от судьбы как подарок. Так что я спокойно воспринимаю моё ужасающее безденежье сейчас как

справедливую плату за исполнение определённых своих желаний. Именно поэтому, ради Бога, не вздумайте там напрягаться и выделять мне что-то особо — оно мне не надо.

Теперь основное. Определённые мысли появились у меня ещё после первых Ларискиных смс, а сейчас они вполне сформировались.

Ты хорошо знаешь, что я ужасный противник всяческого пафоса, гламура, условностей и подмены содержания формой. Объясни мне, пожалуйста: для чего нас всех собирают? Цель? Если нам интересно и «в кайф» друг друга увидеть — это одно. Тогда главное — общение, разговор обо всём, старые фотки, воспоминания... И музыку потише!

Если же Мишка хочет так оригинально отметить свой день рождения и поэтому делает себе такой подарок, оговаривая при этом определённые условия (типа съёмочной группы) — это совсем другое. Тогда всё идет по определённому стандарту притязаний: самый шикарный ресторан с самыми изысканными напитками и закусками, соответствующий «дресс-код» (да у меня для такого светского раута даже подходящей одежды и обуви нет, а покупать — тоже лишние затраты, мне пока не нужные), «крутая» база отдыха, съёмки, фейерверк... —

что там ещё? Тогда главное — затмить всех и вся, заявить о себе погромче. Викуль, а ты не думаешь, что это просто чьи-то старые обиды и детские комплексы? Кто там у нас дрался за звание «король класса» и проиграл Антону? И, говорят, рыдал (я сама не видела)?

Заранее извиняюсь (даже заочно), если мои высказанные мысли далеки от искренних задумок Мишки, Лёши и других ребят. «Благими намерениями...» — это истинная правда. Как я тебе писала в предыдущем письме, все мы очень разные и совершенно по-разному воспринимаем одну и ту же информацию. Но некоторые моменты меня как-то сразу «напрягли».

Вот сейчас уже начинается: «Мишка прислал 500 тыс.!»), «Мишка пришлёт ещё миллион!»)... Я вот совершенно не хочу, чтобы ко мне приезжала съёмочная группа (ты же знаешь, что я уехала в том числе для определённой уединённости и ограничения не нужных мне контактов, а уж тем более быть «телезвездой» на съёмках совершенно не входило и не входит в мои планы!), но... это не обсуждается, это — условие...

Это, разумеется, здорово, — обеспечить всем приезд, Мишка молодец. Но... Я просто очень боюсь, что вся встреча пройдёт под знаком «Мишка дал 1,5 миллиона»...

Короче, я лучше дотелепаю до Сахалина

как-нибудь летом на поезде и увижусь с тобой «в рабочем порядке». И до Воронежа доберусь и увижусь с Маринкой. И вас обеих ещё у себя встречу.

В общем, скажи там нашим, что у меня семейные обстоятельства поменялись и так складываются, что я не смогу приехать.

Напиши, что ты обо всём этом думаешь.

Обнимаю, Т.»

Ответ Вики я получила уже на следующий день:

«Таня, я просто в ужасе! Твое эмоциональное письмо просто повергло меня в шок. Я, конечно, согласна с тобой, что мы все вроде бы выглядим как бы подбирающие подачку, я об этом думала тоже. Лично мне проще было психологически просто дать определенную сумму, устроить небольшую вечеринку и никому не быть должной. Но то, что Мишка пытается собрать всех вместе, это очень хорошо. Ведь очень мало надежды, что когда-нибудь мы сможем повторить это. Собственно, я решила не заморачиваться по этому поводу, отбросить все условности и смотреть на происходящее проще, только с точки зрения, что есть возможность встретиться с тобой и с Маринкой. И еще, инициатором встречи прежде всего выступил

Кузя, а потом уже подключился Мишка. И потом, неужели ты думаешь, что Лешка или Кимуля тоже не задумывались над эмоциональной стороной этой ситуации? Конечно же, подумали, но решили все гораздо проще. Если у человека есть желание потратить эти деньги — флаг ему в руки. Надо отбросить все эти условности, и воспользоваться представляемым судьбой случаем. Кстати, деньги-то еще не пришли, а мы их делили весь вечер! Умора! Вот будет дело, если это не случится! Так что я думаю, что ты должна весь этот бред выбросить из головы, взять себя в руки и ехать. Выезжать обязательно. Другое дело, проблемы с деньгами, но я думаю, что, может быть, мы как-нибудь с Кимулей поговорим по этому поводу отдельно, гарантировать ничего не могу, но попробую. По поводу таблеток — это исключено, Мишка не будет заниматься этими проблемами. Тебе просто нужно самой приобрести их в аптеке. Тут я ничем помочь не могу. Я очень жду от тебя ответа, может быть, ты все-таки решишь этот вопрос в пользу всех нас. И, кстати, отбросив опять же все «заумные мысли», ты понимаешь, что просто на хяляву съездишь к родителям?! Только ради этого ты должна сказать «ДА». Кроме того, я повторюсь, что билеты невозвратные, так как они куплены по скидке (я вообще не представляю, как об этом

сказать Лешке), больше ничего не могу сказать. Я думаю, что ты должна принять единственно правильное решение и ПРИЕХАТЬ. Все, я убита наповал. К утру жду ответа».

...30-го января 2008 года в яркий морозный солнечный день в полдень наш самолёт «Иван Тургенев» приземлился в Южном.

Февраль 2008 года, Южный.

...— Нет, нет, не надо про него, Вы знаете, когда мы начинали, то рассчитывали, что людей будет меньше, а теперь получилось, что у нас столько народу, что по времени не укладываемся, поэтому мы решили, что отдельные сюжеты будут только о тех, кто, так сказать, дожил до сегодняшнего дня, а про тех, кого уже нет, будет один общий сюжет...

Журналистка объяснила мне это торопливо и сбивчиво. М-да, для «работника пера» речь у неё довольно-таки косноязычна. Я отметила это про себя машинально — «компьютер» в моей голове (назовём его «мой «К», почему бы и нет?) вечно проводит свой независимый от меня внутренний анализ происходящего вовне и тут же выдаёт результат.

— Не знаю ещё, какое будет название у фильма. То ли «Одноклассники. Не ру» — ну, в

смысле, что вы всю жизнь, все тридцать лет дружите, а не через модный сайт сейчас друг друга нашли. То ли просто «Одноклассники-78»...

Суть своего фильма она сформулировала просто и чётко: показать, как перестройка отразилась на судьбах наших ребят выпуска семьдесят восьмого года. Прямо-таки солдатская какая-то прямолинейность. Ерунда, конечно. Ну да, есть, разумеется, необычность, неординарность в нашем случае. Многие из нашего класса дружат все тридцать лет после выпускного, теперь даже семьями, и дети наши друг друга хорошо знают. А если кто-то из наших и не дружит — уехал куда-то далеко, например, — то уж точно помнит про школу, про одноклассников. Помнит не поминально, а живо, чувственно. Но перестройка-то здесь при чём?.. Ладно, это же её фильм, а не мой, правда?

...Как мне описать, что я почувствовала? Меня эти её слова — это её разделение нас всех на живых-неживых — здорово покорибили, резанули. Ну, это в душе, а внешне — я легко, извиняюще улыбнулась, легко переключила свой рассказ на то, что интересовало журналистку, и дальше всё пошло в русле её замысла.

А про тебя я больше ничего говорить не стала.

...Получается, не повезло тебе, не будет про тебя ни рассказа, ни отдельного сюжета — не

дожил! Вот кто дожил и на встречу выпускников через тридцать лет после выпуска приехал — тот и молодец, и будет тому радость, и фотографии на память, и сюжет в фильме. А ты, как сейчас выражаются, лузер. (Да ты ведь и слова даже такого не знаешь, не говорили ещё так в то время...)

Неправильно это. И несправедливо. И если про тебя ничего не сказать — значит, всё остальное рассказанное про наш класс будет неправдой. Потому что из нашего выпуска самым живым, противоречивым и ярким был наш «В» класс, а в нашем «В» классе самым живым, противоречивым и ярким был ты.

Хотя... писать только об одном, пусть по-своему дорогом тебе, человеку — тоже не совсем верно, если уж взялся за воспоминания о школьной жизни. Любая школьная жизнь — она обязательно пёстрая, многообразная, там, конечно же, много действующих лиц. Так что я попытаюсь рассказать про всех «наших»... ну почти про всех. Уж как получится, конечно, но я постараюсь...

60-е годы — начало 70-х, Южный.

...В детстве я была человеком влюбчивым, энергичным и компанейским, и мне всё время, начиная лет с пяти, кто-нибудь нравился. Это было легко и никак не ранило. Всё стало серьезнее в одиннадцать-двенадцать лет, когда мне стал

нравиться Вовка с нашего двора.

Надо сказать, компания у нас во дворе была замечательная: семь мальчишек (почти все — мои одноклассники) и я. Повезло мне с детством, прямо скажем.

Зимы запомнились снежно-пушистыми, вьюжными. Мы играли в хоккей с резиновым мячиком, прыгали в сугробы с гаражей и пожарной лестницы нашего дома, а в метель, когда отменяли занятия в школах, и после неё, мы рыли снежные пещеры и ходы между ними, в которых потом очень здорово было играть в «пятнашки» (*правда, в наших краях говорили не «метель», а «циклон»*).

А лето в те годы всегда было солнечным и тёплым! Странно, дождей вообще почему-то не помню. О, летом у нас было столько игр и занятий, мы никогда не скучали! Играли в футбол, в «осла» и «козла», «пекаря» и «штандар». Лазили на деревья, прыгали по гаражам, играли (о, ужас!) на соседней с нашим домом бесконечной по времени стройке. Однажды, лет в двенадцать, даже устроили себе Олимпийские игры, где были и велогонки, и, конечно, все виды лёгкой атлетики, и даже вольная борьба, отжимание камня и то, что сейчас называют «армрестлинг». Я участвовала во всех дисциплинах наравне с мальчишками, и моё самолюбие заставляло меня показывать результаты хотя бы в середине турнирной таблицы даже в таких видах,

как борьба и выжимание камня, хотя бороться с мальчишками мне уже было, прямо скажем, очень неловко, особенно если они в конце концов оказывались сверху, прижимая меня к земле!

Когда требовалась передышка, мы сидели на лавочке или на чём придётся, играя в «колечко» («Колечко-колечко, выйди на крылечко!»), «краски» («Я — монах, в синих штанах...»), обсуждая новые фильмы, книжки или просто болтая про всё на свете.

На небосклоне нашего детства не было ни единого облачка. Лишь однажды тёмная туча беды (сколько же их будет потом, во взрослой жизни!) задела нас краешком. Я очень хорошо помню тот день. Я вышла во двор покататься на велосипеде, когда ко мне подошёл Серёжка Рушков с соседнего двора. Серёжка — мой ровесник, весьма симпатичный, на мой взгляд, с чёткими, строгими бровями и тёмными глазами на скуластом лице. Это хороший спокойный мальчишка, невысокого роста, но мускулистый, и все наши ребята его уважают. Мы начали свой обычный пустяковый разговор, когда он вдруг, внезапно, с каким-то непередаваемым отчаянием выдохнул:

— Танька, а у меня мама умерла...

Ну *что* и *как* я могла ему ответить?! Нам было всего по двенадцать лет.

— Я знаю, — с чувством неловкости сказала я

и забормотала какие-то нелепые слова утешения. Я действительно уже слышала вчера от своей мамы, что Серёжкина мама умерла от рака, что Серёжка на похоронах рыдал навзрыд и безутешно, его никак не могли успокоить. Конечно, моя мама разъяснила мне, что у Серёжи такое большое горе, что нам, всем ребятам, надо быть к нему сейчас как можно добрее. А что значит «добрее», мы и так никогда не ссоримся и не обижаем друг друга!

Позже у Серёжки появилась мачеха. Отец у Серёжки был полковник, и они все вместе куда-то уехали...

Вообще, окружавшие меня в детстве мальчишки не были ни агрессивными, ни озлобленными, в отношениях друг с другом не было той нервозности, какую замечаешь сейчас у нынешних детей. Я и мои друзья росли в нормальных семьях советской интеллигенции, в которых, как правило, было по двое детей. Наши родители были по профессии инженеры, военные, врачи, журналисты, и нам, детям, взрослые уделяли много внимания. Возможно, потому, что наши родители были детьми военного и послевоенного времени. Например, зимой папы выходили во двор заливать нам горки (сейчас такое редко можно увидеть!), а Костина бабушка (их семья жила под нами, на первом этаже) была бабушкой всего двора и следила за всеми нами, пока наши родители были

на работе. У каждого из нас на шее болтался ключ от квартиры, и никому не приходило в голову считать это опасным.

В общем, мы были нормальными, «домашними» детьми спокойных советских 60-70-х годов. Хотя, конечно, как и большинство обычных детей, бывали в каких-то ситуациях беспричинно жестоки с «чужими». Иногда мимо нашей компании проходила девочка чуть постарше нас, лет четырнадцати. Она была явно психически нездорова, и мы с непонятным сейчас удовольствием гнали её от себя, выкрикивая всякую ерунду и кидаясь камнями в её сторону. Если камень всё же попадал в неё, она начинала плакать, и её плач, больше похожий на рёв какого-то животного, ещё больше нас раздражал. Девочка убегала, ковыляя, неловко выворачивая ступни, и вскоре появлялась её мама. Она начинала нас ругать и стыдить, но, честно говоря, никакого стыда мы тогда не чувствовали. Хотя, по сути, мы ведь не были ни жестокими, ни бесчувственными. Почему так? *Прости нас, тогдашних, незнакомая девочка. Мы другие сегодня...*

Примерно так же мы реагировали, когда среди прохожих стали встречаться девушки, одетые в брюки (это было самое начало 70-х годов). Я тоже кричала что-то дурацкое наравне со всеми и кидала камни, пока однажды Лёшка Герасименко вдруг не

стал участвовать в общей забаве, а сказал мне как-то задумчиво: «Ты ведь тоже будешь брюки носить, когда вырастешь». Я немедленно со всей горячностью ответила, что этого никогда не будет, абсолютно уверенная, что Лёшка сейчас безнадёжно ошибается. Через год? два? у меня появились мои первые, мягко-оранжевого цвета расклешённые брюки...

... Что-то я отвлеклась, я же всё-таки про любовь решила написать. Ну, так вот.

Как-то ко мне зашел Костик, — тот, что жил этажом ниже, — мы болтали, как всегда, и вдруг Костик ни с того ни с сего выдал: «Танька, а я тебя люблю». Хоть в одиннадцать, хоть в двадцать, тридцать, сорок один — это одинаково до беспредельности неловко, когда тебе нечем на эти слова ответить. Я, наверное, покраснела, и стала говорить про то, что он, Костик, у меня на третьем месте, а на втором — Лёшка Герасименко. Костя всё же выпытал у меня, что на первом месте — Вовка.

Знойным летним днём мы с мальчишками сидели у дома, заморенные после игры. Разговор шёл лениво. «Пацаны, а я знаю, кого Танька любит!», — вдруг выпалил Костик и предусмотрительно отскочил от меня подальше. Заставить его замолчать мне, конечно, не удалось. «Вовка, а тебя Танька любит!!!» Реакцию пацанов

детально описывать смысла нет, и так всё понятно. Как же густо покраснел Вовка! Он ничего не сказал и продолжал окаменело сидеть. Я с независимым видом чего-то заявила в ответ, конечно, но ситуацию это не спасло. Ох, и злилась я на Костю! Запомнился мне этот случай как один из тех уроков, после которых мы, взрослея, становимся всё менее и менее доверительными со своими собеседниками, даже близкими.

Хотя, надо сказать, дружба наша с Костей сохранилась. Человек-то он был добрый, мягкий, самый, пожалуй, домашний из всей нашей ватаги. Сейчас он работает редактором районной газеты в Подмосковье, у него замечательная жена и двое детей, и недавно у нас с ним произошла очень душевная встреча. Мы увиделись через тридцать лет после расставания в семнадцать. Костя всё такой же — мягкий и очень добрый человек. Лёшка Герасименко стал военным лётчиком, и только про Вовку я ничего не знаю...

Вообще, первый в своей жизни цветок «от мужчины» был от Кости. Мне исполнилось десять лет, и он принёс мне розу. О, это не та нынешняя роза, что привезена из Голландии и продаётся в любое время года, причём круглосуточно, чуть ли не на каждом перекрёстке городской улицы! Это роза, подаренная в снежном марте на Сахалине в самом начале 70-х! Одна-единственная, любовно

выращенная на подоконнике Костиной бабушкой.

...Я стояла в тёмной спальне, смотрела на светящиеся окна Вовкиного дома и, сложив руки, просила кого-то, чтоб Вовка полюбил меня. Зачем-то пыталась выжать из себя слёзы, но плакать никак не хотелось и не получалось, и мой несентиментальный «К» отдельно от меня насмешливо это констатировал. Мне было двенадцать.

**Из записной книжки, 19 июня 1979 года,
Ленинград.**

Я хочу на остров, что укутан туманами.

Я хочу в тот город, где цветёт вишня сакура.

Я хочу на ту улицу, где падают пёстрые
листья.

Я хочу в тот дом, где прошло моё детство...

Я хочу на остров, что укутан туманами.

Остров-рыба в холодном Охотском море.

В прозрачной воде — колючие крабы.

Смотрят на берег, заросший кедровым
стлаником.

Я хочу в тот город, где цветёт вишня сакура.

Город в ласковых объятиях синих сопок.

Город, любящий яркое зимнее солнце

И тёплую морось спокойного лета.

Я хочу на ту улицу, где падают пёстрые

листья,
И дома освещает заходящее солнце.
Воздух призрачно-чист. Тишина — и вокруг,
и в тебе.
Если ливень — асфальт заблестит как
стекло.
Я хочу в тот дом, где прошло моё детство.
Дом — пушистая кошка, мурлыкающая на
окне.
Промчалась вихрем кучка мальчишек —
Как много счастья!
Это я и мои друзья...
Это было очень давно...

Февраль 2008 года, Южный.

— Да ладно уж, столько лет прошло, давай
колись, кто тебе из класса нравился?

В голове — карусель: говорить — не
говорить. Для девчонок — это всё давным-давно, а
мне? Вино помогло, нет, подвело. Выдохнула:

— Ерохин.

— А, ну понятное дело, — закивали
головами, — отличница и хулиган...

В ту же секунду пожалела, что сказала.
Сколько раз, сколько раз наступаешь на одни и те
же грабли! Сколько раз предаёшь самого себя!
Слово-то какое есть замечательное:
«со-кро-вен-но-е». Нельзя оглашать сокровенное.

Жестокое наказание следует сразу: так мутно становится на душе, так досадно...

...Я не могу сказать, что «это была любовь с первого класса». В первом классе я сидела за одной партой с Ильёй — вот он мне и нравился. Но во втором классе Ильи уже не было — папа был военный, и семья переехала, — и мне понравился Витька — отчаянный хулиган и двоечник. Но за безнадёжные двойки и плохое поведение Витьку вскоре перевели в другую школу... Мне нравился то Андрей, то Валька, то Серёжка Поляков, но... Но позже оказалось, что я помнила тебя всегда.

В младших классах ты был рослым, каким-то пухловатым, — хотя и толстяком тебя назвать было никак нельзя, — белокожим, с неважной фигурой и плохой осанкой. Ты рос эдаким здоровяком, но совсем не мускулистым, не спортивным — на уроках физкультуры ты явно проигрывал многим более «худосочным» мальчишкам и внешне, и по спортивным результатам. Но при этом ты был очень заводным и подвижным! Тёмные, коротко стриженные прямые волосы торчали ёжиком, а заметный нос, да и всё лицо были густо усыпаны крупными веснушками. Выражение лица было настороженно-упрямым, — ну это, конечно, если ты не улыбался, а улыбался ты всё же гораздо чаще («рот до ушей», что называется!). Ничего

притягательного в твоём облике вроде бы не было, даже странно: и почему любой красавчик всегда проигрывал рядом с тобой? Ты был громкоголос и весел. Ты вечно кого-то задирали, над кем-то насмеялся, что-то предпринимал и организовывал. Ты не мог усидеть на месте, ты громко смеялся или так же громко ругался. Вокруг тебя постоянно кто-то толпился; там, где был ты, вечно что-то происходило. По крайней мере, там, где был ты, скучно уж точно не было! Почти в каждом классе есть такой мальчик — король и шут в одном лице, и очень не повезло в жизни тому, у кого в классе не было такого мальчишки!

Своё чувство юмора ты шлифовал и оттачивал во время уроков, твои в голос сказанные шутки с задней парты частенько веселили класс и грозили сорвать урок, но я же помню! помню, как учителя, хмураясь изо всех сил, всё же не могли в конце концов сдержать улыбку.

Этот неиссякаемый фонтан энергии, наверное, сильно утомлял взрослых. В классе, как мне сейчас кажется, ты сразу стал одним из самых авторитетных мальчишек, хотя у нас все ребята подобрались не робкого десятка, самостоятельные и своенравные — что девочки, что мальчики.

Кстати, с мальчиками-одноклассниками нам, девчонкам, вообще очень повезло: они были рослые, почти все намного выше нас, и в своём

взрослении совсем не отставали от девочек, пожалуй, что наоборот, а ведь это редкость лет до пятнадцати!

Но ты выделялся даже из них. Ты был настоящий вожак и, как мне кажется, негласно это признавали все. Вожак от природы, а не назначенный взрослыми или выдвинутый какими-то обстоятельствами. Нет, что-то я немного приукрашиваю, а хочется быть по возможности правдивой. Каким-то единственным лидером в нашем классе ты не был, слишком уж все мы были сами по себе ведущие. Просто жизнь рядом с тобой становилась ярче...

...Начиная с первого сентября 1968 года...

Видимо, из-за того, что учёба давалась мне легко (да и вообще учиться мне нравилось), школьная жизнь была для меня радостью, праздником, поэтому и помню я всё так подробно и ярко, с самого первого дня, с той минуты, когда после торжественной линейки нас завели в класс. В тот день я была озабочена только одним: выполнить мамину «установку» и добиться, чтобы меня посадили на первую парту из-за моего плохого зрения. Я была исключительно разумным, послушным ребёнком и поэтому назойливо лезла к учительнице со своим требованием.

К школе я была очень хорошо подготовлена, и первое время мне, в общем-то, нечего было делать на уроках, мне было порой скучновато, а в дневнике красовались сплошные пятёрки. Представьте, я лишь один-единственный раз плакала в школе из-за оценки, и это случилось во втором классе, когда впервые в жизни я получила «четыре» за контрольную работу по математике! Я рыдала навзрыд на своей первой парте, а мои одноклассники никак не могли понять причину таких переживаний. Например, Антон, у которого уже тогда были большие проблемы с математикой, зайдя в класс и услышав объяснения ребят, округлил от изумления глаза и покрутил пальцем у виска (я, хоть и рыдала, но ведь запомнила эту картинку!).

В последующем меня уже никакие оценки не могли смутить, даже тройки и двойки (коих, вообще-то, почти не было). Однажды я испытала даже чувство гордости за двойку! Как-то на перемене, в третьем классе, мы втроём — я, Андрей Болотов и самый главный разгильдяй нашего класса в то время Витька (да-да, которого потом перевели в другую школу!) — бегали по крышам гаражей, стоящих рядом со школой, и опоздали на урок. Учительница выстроила нас у доски, пристыдила и поставила в дневники двойки по поведению. Боже мой, с какой гордостью шла я к своей парте под

изумлённые восклицания одноклассников! Наконец-то и я отличилась, как и другие наши ребята, как постоянно отличается весь наш «В» класс, который с первых лет проявил себя «во всей красе» всякими шалостями, непослушанием и хулиганскими выходками, и который очень скоро стал считаться у учителей самым непредсказуемым, недисциплинированным и проблемным (да и хорошей успеваемостью наш класс никогда не блистал).

Как я уже отметила, ребята у нас подобрались весьма энергичные и своенравные. Но не надо думать, что эти качества использовались нами лишь в дурных целях. И наши прилежные ученики, и наши главные хулиганы с одинаковым энтузиазмом могли откликнуться как на призыв к всеобщему бунту, так и на призыв к доброму делу.

Одно из моих самых первых детских воспоминаний о нашем классе — как мы ходили к нашей учительнице Надежде Афанасьевне. Нам тогда было лет восемь-девять. Наш класс был её последним выпуском перед тем, как она вышла на пенсию и уехала в другой город. Это был, пожалуй, идеал первой учительницы, какой она и должна быть: доброй, неторопливо и терпеливо объясняющей очередной урок, спокойной и приветливой. Словом, как бабушка.

Как-то Надежда Афанасьевна заболела. Не

было её довольно долго, а чужая учительница нам быстро надоела. Любя по-детски искренне и открыто, мы решили навестить нашу Надежду Афанасьевну после уроков. Никто из взрослых нам это не подсказывал, вот такие мы были всегда самостоятельные! Уж не помню, как мы узнали её адрес. Идти надо было почти через весь город. Компания у нас собралась человек десять, пожалуй. Учительница жила в маленькой квартирке в двухэтажном деревянном дощатом доме в так называемом «Посёлке угольщиков». Дорога была не простая: шла ранняя весна, когда везде ещё лежат горы грязного снега, но под ногами уже «каша». Мы карабкались по грязным снежным кручам, но долгий путь оказался необычайно интересным и весёлым: ты без устали смешил нас, и мне было даже немного жалко, когда мы, наконец, дошли до дома учительницы. Идею похода к Надежде Афанасьевне ты сразу воспринял с огромным энтузиазмом и азартом.

Это уж точно, если ты увлекался, то любое скучное или трудное дело рядом с тобой становилось праздником (как тут не вспомнить Тома Сойера с его покраской забора)!

На сборе металлолома наш четвёртый «В» заслуженно занял первое место. Если б вы видели, какую тяжёлую бандуру мы всей гурьбой притащили на школьный двор! Как кучка

крошечных муравьёв притаскивает в свой муравейник огромную личинку. Конечно же, над всем этим действием энергично гремел твой голос и лился поток твоих неиссякаемых шуток.

На следующий год в конкурсе строя и песни наш разгильдяйский, в общем-то, класс тоже стал первым. «Ашки» были в бескозырках моряками, «бэшки» в фуражках пограничниками, но мы! Мы, в настоящих будёновках с большими красными звёздами, чётко и красиво отчеканили шаг и очень дружно, с энтузиазмом спели самую любимую в то время песню нашего класса:

По военной дороге
Шёл в борьбе и тревоге
Боевой во-семна-а-дцатый го-о-од...

На уроках пения, когда наш тихий, интеллигентный учитель Виталий Семёнович, со своим неизменным аккордеоном, спрашивал: «Ну, что будем сегодня петь?», первым делом все дружно называли именно эту лихую — как раз для нас! — песню. Даже если времени до конца урока оставалось мало, мы всё равно хотели и успевали её пропеть. Особенно нам нравился куплет про то, как *«на Дону и в Замостье тлеют белые кости, над костями шумят ветерки... Помнят псы-атаманы, помнят польские паны конармейские наши*

клинки...». Тлеющие под ветерком кости, безусловно, потрясали наше воображение. Да ещё, к тому же, зловещие псы и сверкающие на солнце клинки! Класс повышал голос и с удвоенной энергией уже не пел — радостно выкрикивал! — про белые кости...

Разумеется, то же самое было и при маршировке во время конкурса.

Никто из взрослых даже не догадывался, каким образом удалось организовать наших неуправляемых мальчишек на это мероприятие! А всё дело было в том, что под твоим предводительством (наверняка это была твоя идея!) мальчишки нашего класса получили от председателя совета нашего пионерского отряда Маринки Александровой твёрдое обещание — под «честное пионерское»! — что если мы займём первое место, они её все по очереди поцелуют! Так что после конкурса Маринка удалилась с мальчишками...

Хотя, вообще, не знаю, у кого как, но в нашем классе должность председателя октябрятского, а потом и пионерского отряда была нелёгкой ношей и порой даже сулила серьёзные неприятности её носителю. Я знаю, о чём говорю: сама какое-то время была таковым. Никто не хотел быть председателем и упирался до последнего. Нельзя сказать, что на эту должность кто-то попадал по

учительской указке против воли ребят, — должность эта была выборная, поэтому обсуждение и выбор кандидатуры проходили в классе шумно и азартно. Но несмотря на сей факт единодушного одобрения очередного кандидата, класс довольно быстро вдруг осознал, что избранница (мальчиков в этом качестве я не припомню) «зазналась», «ставит себя выше других», ну и прочее в том же духе. Однажды предложенное средство борьбы с «выскочкой» всем очень понравилось: бойкот!

Первой — в третьем классе — на себе этот метод общественного порицания испытала именно Маринка Александрова. Кстати, мальчики тогда держались в стороне и никакого участия в этом действе не принимали. Но девчонок эта ситуация откровенно будоражила, и мы очень активно придумывали различные способы перевоспитания зазнавшегося председателя. Начавшись с единодушного «мы с тобой не дружим», дело закончилось откровенной травлей и вываливанием из портфеля в снег всех Маринкиных книжек и тетрадок. Тут уж взрослым пришлось вмешаться в ситуацию. Лишь с помощью учительницы и родителей удалось утихомирить чересчур распалившихся борцов за идеалы равенства и примирить конфликтующие стороны. Через бойкот прошли Лариска, Ленка, да и я тоже. Правда, я

угодила в этот ряд не из-за должности, а из-за того, что заступилась за тогдашнего председателя Ленку, и все обрадовано включили меня в список бойкотируемых.

Лишь к классу шестому-седьмому наше увлечение бойкотами сошло на нет. Поэтому когда в восьмом классе прямолинейная Лариска при обсуждении какой-то конфликтной ситуации вдруг заявила: «А давайте объявим ей бойкот!» — на неё посмотрели уже с откровенным недоумением. Сейчас мне почему-то кажется, что те бойкоты были в большей степени потребностью к какому-то эмоциональному выплеску наших энергетически сильных натур на фоне очень спокойной, размеренной жизни тех лет. Может, в этом же кроется и секрет такой необыкновенной для наших ребят притягательности твоей натуры?

Чем старше ты становился, тем больше проблем ты доставлял взрослым. Хотя, вот парадокс, я почему-то не помню ни одного твоего проступка. Но, видимо, проказы всё же были серьёзные, если до сих пор, встречаясь, мы хохочем и вспоминаем как апофеоз учительского гнева сценки с участием нашей «классной» Раисы Ивановны. Выцепив из общей школярской массы какую-нибудь провинившуюся девчонку, Раиса Ивановна, потрясая кулаками, громогласно и пафосно, с великолепными актёрскими

интонациями истинного учителя русского языка и литературы начинала её стыдить: «Девочка моя!!! Ты только посмотри на себя!!! До чего же ты докатилась! Да ты хуже Ерохина стала!!!». По всей видимости, это означало самое дно возможного морального падения нормального человека. Разумеется, мы, свидетели такой сцены, открыто хохотали, хихикала и «докатившаяся» виновница. Раису Ивановну мы не боялись даже в минуты её самых грозных монологов, все прекрасно чувствовали уже тогда, что она добрый, «свой» человек, и просто делает то, что положено по должности делать учителю, только и всего. *До сих пор мы с ней дружим, все эти годы она рядом с нами и стала для нас просто близким родным человеком.*

Август 2008 года, из письма Раисы Ивановны:

«...Ты просишь, чтобы я написала о себе. Эх, Танюша! Если мне свою жизнь тебе описать, так никаких листов не хватит! Очень уж богата событиями она... В детдоме я оказалась в связи с войной, которая нас с сестрой застала у бабушки с дедушкой, где мы отдыхали всегда летом. Это Псковская область, на юг от Питера. Там нас захватили немецкие войска, и я три года с лишним жила в

оккупации, всего повидала, партизанила, потеряла родных (маму и деда расстреляли полицаи), и многое-многое другое. Как освободили нас в 1944 году, так всех детей-сирот тогда и определили в детдом...

...После окончания 8-го класса нас стали распределять на дальнейшую учёбу. Мальчишек отправили в Ригу в ремесленное училище, девчонок — тоже в разные ПТУ, а я, так как хорошо училась, сдала экзамены в Ленинградское педучилище, которое было продолжением детдома, т. к. учились там дети-сироты. Попастъ туда было сложно, большой конкурс из детей-сирот, но я сдала всё на 5 и так очутилась в 3-ьем ЛПУ на целых четыре года в чудесном Питере, тогда Ленинграде. По окончании педучилища я уехала на целину в Алтайский край...

Я благодарна тогдашней власти, что заботилась обо всех детях и дала нам путёвки в жизнь. А писать подробно... Кому это интересно... Всё было в моей жизни, всё большое, настоящее. Много сделано ошибок, многое я бы теперь по-другому построила, но как было, так было. Мне есть чем гордиться — это вы, мои милые умные хорошие дети. Я, наверное, многого о вас не знаю, или до конца буду идеалисткой, но мне кажется, что никого из нашего класса забыть нельзя...

Ваша по-прежнему взбалмошная классная

мама Раиса Ивановна».

Кроме замечательного чувства юмора, энергичности и своенравности, что, пожалуй, было присуще нам всем, даже тихоням, нас ещё объединяла любовь к чтению. Читать любили все — и отличники, и троечники, и активисты, и молчаливники. Иногда умудрялись читать во время уроков, спрятав книгу под партой. Порой учителя, конечно же, ловили такого зачитавшегося любителя на месте преступления. Как-то раз попался Пашка. Дело было в третьем классе. Надежда Афанасьевна пристыдила его и... поручила мне, как отличнице, а значит, «надёжному», видимо, человеку (или я тогда занимала ответственный пост председателя октябрятского отряда?), отнести Пашкину книгу в библиотеку. На перемене Пашка пристал ко мне с умоляющей просьбой вернуть книжку ему. Чуюток поколебавшись, я отдала ему его «конфискат». Кто как не я, страстная любительница книг, могла лучше всех понять Пашкину досаду — лишиться недочитанной книги!

Расплата последовала практически сразу: уже на следующем уроке нас обоих вызвали к доске, учинили допрос и стали стыдить, особенно, конечно, меня. Ха-ха, ничего, кроме распивавшего меня чувства гордости за свой подвиг, я не почувствовала, несмотря на последовавшую запись

в дневнике!

Кто-то из нас читал дома до поздней ночи, порой классически спрятав книгу под одеяло и подсвечивая себе карманным фонариком. Мы обменивались книгами на переменах, обсуждали прочитанное. Многие писали хорошие сочинения, чему громко радовалась и чем искренне гордилась наша Раиса Ивановна. Некоторые, в том числе и я, пробовали писать стихи.

На почве сочинительства в классе пятом-шестом я очень сблизилась и подружилась с Аней Полтораком. В пятом классе она принесла мне свой литературный труд — рассказ, а я ей свой — начало фантастической повести, в персонажах которой без труда узнавались наши одноклассники. Главными героинями были, разумеется, мы с Аней, а главными героями — те мальчишки, которые нам тогда нравились. Нет, ну, конечно, не те, настоящие — вредные и задиристые, а их образ — возвышенный и романтический. Там даже фигурировали наши младшие братья: мой Димка и её Ромочка. Рома учился в нашей же школе, в первом классе, и был ну просто очаровашка! Аня относилась к брату с нежностью и, как настоящая старшая сестра, заботливо опекала его на переменах.

Я от души похвалила Анино произведение, она была в восторге от моего, и мы обе были очень

довольны друг другом. Свою повесть я так и не дописала до конца — не знала, что придумать дальше, да и у Ани страсть к сочинительству тоже как-то постепенно затухла. Но, кроме литературы, у нас с Аней было ещё одно общее увлечение, которое продолжалось: мы обе учились в художественной школе. Если я была там человек, в общем-то, немножко случайный, то у Ани всё было гораздо серьёзнее. У неё, безусловно, были художественные способности, вкус, и она уже тогда мечтала об архитектурном институте. Вернее, об архитектурном мы с Аней сначала мечтали вдвоём, но очень скоро я узнала, что с моим зрением меня туда даже к экзаменам не допустят. *Трагически я это не восприняла, потому что в любой тяжёлой, даже тупиковой жизненной ситуации я никогда не впадаю в отчаяние, а просто сразу начинаю поиск другого пути, и никакой я не герой, просто так уж устроена моя жизнеутверждающая натура!*

Аня уехала после седьмого класса. Обычная история для нашего города: взрослые, заработав необходимый «северный» стаж, уезжали в более комфортные края. Это называлось — «на материк». Аня уехала в Белоруссию, и следы её затерялись на много-много лет. Сначала мы, конечно, переписывались. Аня писала и мне, и Светке Брошкиной. Она очень скучала по нашему классу,

по «художке» и долго не могла адаптироваться на новом месте. Потом эта полудетская переписка, конечно же, сошла на нет.

В прошлом году я вдруг получила от неё коротенькое письмо.

«Здравствуй, Таня. Не знаю, может, нужно обращаться на «вы», но, думаю, простишь. Я училась с тобой на Сахалине до 8-го класса. Я — это Аня Полтораки. Помнишь? Мы потом переехали в Белоруссию, после я долго жила в Киеве, а вот уже почти восемь лет мы живем в Израилевке. Все как-то более или менее нормально: муж, дочь, сын, внуков еще нет:)))

Как у тебя сложилось? Напиши, интересно же пообщаться с кем-то из детства. Я пыталась кого-то найти из сахалинских одноклассников, но впечатление такое, будто там уже никого не осталось... До 84-го года переписывалась со Светкой Брошкиной (мы дружили), но потом она пропала насовсем. Так что я вообще ни о ком ничего не знаю. А вот с одноклассниками из Белоруссии встретились здесь, в Израиле. Было немного странно сначала — после 27 прошедших лет увидеться! Но все друг друга узнали, и даже нашлось, о чем поговорить:)))

Буду рада твоему письму.

Аня».

Как же я была рада! Я ответила ей сразу же,

рассказала о судьбах наших ребят, о себе. Второе её письмо было радостным и горьким одновременно.

Апрель 2007 года, письмо из Израиля.

«Таня, привет! Мне потребовалось время, чтобы осознать всю информацию...

Знаешь, впечатление такое, будто за всю жизнь наконец-то общаюсь с человеком, который думает, как я, и я поняла, что все-таки школьная дружба, как я ее понимала всегда, все-таки существует... Да, сейчас я общаюсь с одноклассниками из Минска (вот не далее как вчера водку пили.), но это совершенно не то... Одна моя одноклассница с трудом вспоминает, с кем же, собственно, она училась (!!). А я, как дура, помню всех: и с Сахалина, и с Минска.

Ну что писать о своей жизни... Чесслово, не очень интересно. Закончила школу в Минске. Поступила в политех на архитектуру на вечерний и одновременно работала в проектном институте. В 85-м закончила институт, и тут же угораздило выйти замуж и переехать в Киев. Там себе тихо-мирно работала архитектором. В 1986-м родилась дочь, а в 96-м — сын. Восемь лет назад, после многократных попыток уехать в США, муж нашел подходящую ему работу в Израиле, и мы с тех пор здесь живем... Работы у меня нет, и это огорчает без меры, преследуют

перманентные депрессии. То есть я иногда работаю, но на всяких работах, где не нужно ни опыта, ни специальности... Но моих все устраивает: дочь уже отслужила в армии, считает, что это ее страна, не любит арабов и готова, в случае войны, опять идти в армию. Собирается учиться, но пока не знает точно, что именно будет учить. Что-то типа политологии или международных отношений. Конечно, ей хотелось другое, творческое, но тут с этим проблемы. А мелкому вообще все по фигу. Он и не знает другой жизни. Учится в 5-м классе, что он учит и что знает — не имею понятия, проверить могу только математику, да и то, думаю, что способ решения задачек отличается от того, что мы учили:)) Многие вещи он знает только на иврите и мне объяснить не может... У мужа хорошая работа, его пока все устраивает. В общем, только я не у дел....

У моего братца жизнь вообще вся наперекосяк. Учился в Одессе, в военно-морском училище. А потом началась полная фигня... В общем, в конце концов появился он у нас в Киеве, уволенный из армии, зеленый от пьянки и весь больной. Ну, началась веселая жизнь... Потом заболела и умерла мама, а через 4 года и папа... Преждевременному уходу мои родители обязаны, конечно, онкологии, но и в немалой

мере моему братцу. Сейчас он по-прежнему пьет... Женился, чтобы не сдохнуть под забором, родилась девочка Анечка и теперь, если я и помогаю, то только передаю вещи и игрушки племяннице, ей уже 6 лет. Тань, я напишу еще. А... как я тебя нашла ... на сайте «одноклассники. ру» твой брат появлялся, ну я ему написала...»

Ах, Аня! Ты же была удивительный человек, Анечка! Твоё изящество, твоя мечтательность, твоя настоящая любовь к рисованию, твои первые литературные опыты, твоё страстное желание поступить в архитектурный! Что сбылось, но разочаровало? Что и почему не сбылось? Не расцвело? Не получилось? Глупые вопросы. Бесконечные, назойливые глупые вопросы...

Ты так далеко, Аня! Но мир всё же изменился за эти годы — он уменьшился, и параллели-меридианы стали явно короче. Вот и Лариса скоро к тебе в гости придет: её дочери и внучки в твоей «Израиловке» нынче живут.

Ань, мы с тобой, может, и не встретимся, но я обязательно отправлю тебе продолжение своей — теперь уже совсем не фантастической — повести про наш класс. Теперь я точно знаю, что будет в этой повести дальше, и чем она завершится...

Знаете, в нашем классе совсем не было одиночек. Каждый был связан хоть какой-то

ниточкой, каким-то чувством с другими. Несколько ребят даже пришли в школу из одной группы детского сада: Игорь, Вика, Инга, Оля, Алик со своим неразлучным дружкой Женькой. Цепочки были порой мудрёные, но в итоге получалась довольно затейливая, насыщенная разнообразными эмоциями, но в целом вполне мирная, наполненная дружеским теплом и взаимным интересом атмосфера. Я не говорю, что не было ссор, конфликтов, порой даже драк (у мальчиков), но определяло общую обстановку в классе всё же иное.

Я чувствовала себя вполне комфортно, со многими дружила, хотя были порой периоды какого-то отчуждения, очень короткие, но были (это временное одиночество, как я сейчас думаю, вполне нормальное дело для любого подрастающего человека). В средних классах мою не показную и безоглядную любовь к учёбе, да ещё робость, появившуюся из-за очков в общении с мальчишками (которую я, конечно же, прятала за маской неприступности и независимости), а также мою ещё детскую, довольно «книжную» принципиальность ребята неверно воспринимали как высокомерие. Например, я никогда не давала списывать домашних заданий, убеждённо полагая, что ничего, кроме вреда, списывание не даёт. При этом я всегда говорила, что готова в любое время

объяснить весь материал и искренне не понимала, почему проситель не соглашается принять мою бескорыстную помощь!

Впрочем, во втором классе я уже имела опыт такой «помощи отстающим», и этот курьёзный, прямо скажем, опыт свидетельствовал, что учитель из меня никудышный! Тогда ко мне прикрепили одного отстающего — Серёжку Полякова, и я предложила ему заниматься у нас дома. Он добросовестно явился ко мне на занятия, но серьёзная учёба у нас с ним закончилась, не успев толком начаться. Вместо математики и русского языка мы почти сразу начали играть и дурачиться. Мы бегали друг за другом по комнатам, кидались подушками, играли в прятки — «бесились», одним словом. Мы резвились с ним, как резвятся два маленьких простодушных щенка. Я и сейчас хорошо помню (даже не знаю, почему) залитую солнцем нашу «детскую», я щекочу Серёжку, который валяется на кровати, а он хохочет-заливается вовсю, увёртываясь от меня. Родители быстро осознали никчёмность и даже вредность наших занятий (к вечеру, когда мама и папа возвращались с работы, мои домашние задания всё ещё не были сделаны), и Серёжка перестал приходить ко мне.

Серёжки Полякова уже нет. Ничего про его жизнь после школы не знаю. Говорят, умер от

водки. А ведь он был единственным ребёнком у своей одинокой мамы...

...Даже странно, но, рассказывая о своих школьных друзьях, я понимаю, как много для меня в те годы значила Ленка. Странно потому, что ни тогда, ни тем более сейчас я не могу назвать её своей подругой, слишком уж мы разные в каких-то принципиальных, духовно первостепенно важных для человека вещах. Но, тем не менее, я всегда думаю о Ленке с искренним тёплым чувством.

Ленка — милое создание: невысокая, кареглазая, с тёмными блестящими прямыми волосами. Ленка смугла, белозуба и очень смешлива. Мы всё время подшучиваем друг над другом, и даже те слова в мой адрес, которые от другого человека звучали бы двусмысленно или обидно, в Ленкином исполнении просто смешны.

С Ленкой мне всегда было очень весело. Любое серьёзное мероприятие Ленка своими ироничными комментариями легко превращала в прямо-таки умопомрачительную комедию. Как-то раз в пятом классе мы пошли с ней в кино. Новый фильм назывался многообещающе: «Романс о влюблённых»... Сказать, что мы смеялись весь фильм — это ничего не сказать. Каждая сцена, каждый кадр сопровождалась Ленкиными репликами, от которых я просто сползала с кресла

от хохота. Смешным в этом фильме было всё, начиная с первого долгого кадра глупого лица главного героя крупным планом. Ужимки и писклявый голосок героини... Ненормальный трубоч. ... Разговоры — не так, как говорят в жизни, а какими-то непонятными то ли стихами, то ли не стихами... Не знаю, почему нас не выгнали с сеанса? Наверное, потому, что тогда в зале многие смеялись, как мы. Даже взрослые.

Прошло много лет. И оказалось, что запомнилось всё, только смотрю я на тот фильм совсем другими глазами. Не могу сказать, что я нынче поклонница Андрона Кончаловского, *но... теперь я помню всё совсем по-другому и всё понимаю.* И ошалевшее лицо героя — от обрушившейся на него впервые в жизни любви. И его потрясённые глаза — от такого переполнения любовью. И обаяние и нежную юность героини. И романтику Трубоча. И высокий слог диалогов... Хоть фильм я позже и не пересматривала...

Если в младших классах нас рассаживала учительница, то в старших учителя нас в этом вопросе уже не контролировали, и мы садились так, как хотелось нам. В школе у нас была так называемая «кабинетная система»: на переменах мы переходили из класса в класс, и на разных предметах мы усаживались по-разному в зависимости от своих дальнейших жизненных

устремлений. Кто собирался поступать в медицинский — тот, соответственно, занимал первые ряды на химии и биологии. Будущие «технари» перемещались вперёд на математике и физике и так далее. С восьмого класса мы сидели с Ленкой за одной партой.

Ленка — совсем не такая, как я. «Книжный червь», «идеалистка» — это уж точно не про неё. Она практична, если не сказать меркантильна, порой цинична, но при этом искренне приветлива и добродушна. В ней нет моей дурацкой стеснительности в отношениях с мальчишками (которую я, впрочем, успешно скрываю), округлые формы своей далёкой от совершенства фигуры (про таких говорят «аппетитная») её ничуть не смущают. Она раскрепощена, она обаятельна и представляется мне ребёнком в своей непосредственности и открытом проявлении своих эмоций. Я не дура, я прекрасно вижу и понимаю глубинную холодную расчётливость Ленкиной натуры, но... её добродушная открытость этой расчётливости совершенно обезоруживает меня.

У нас с Ленкой всегда были приятельские отношения, но когда в восьмом классе под влиянием родителей перед нами замаячила необходимость подготовки к институту, Ленка — видимо, с подсказки своих интеллигентных родителей-врачей — предложила мне сесть за одну

парту, с милой непосредственностью весело пояснив свою прямую выгоду сидеть рядом с отличницей. Ленка собиралась поступать в медицинский, — а это сложно в любые времена. Для нас же тогда была и дополнительная нагрузка: в те годы средний балл аттестата учитывался при поступлении, поэтому нужно было иметь приличные оценки по всем предметам! Ленка вполне справлялась с химией и биологией, но вот математика ей давалась гораздо сложнее, а уж с чем-чем, но с алгеброй и геометрией у меня проблем никогда не было.

Так что, по голому расчёту на таких важных для нас уроках, как математика, физика или химия, мы сидели с Ленкой на первой парте, а на таких лёгких, как история или литература, предпочитали забраться куда подальше, поэтому облюбовали себе предпоследнюю парту у окна. *И там ты сидел за нами (как всегда — на последней парте).*

Нам с Ленкой было очень удобно сидеть вместе, даже, прямо скажем, взаимовыгодно. Расчёт был не только с Ленкиной стороны, но и с моей! К старшим классам я, со своей безнадёжной близорукостью, ничего на доске не видела даже в очках и даже с первой парты. Ленка оперативно списывала для меня с доски все задания. Особенно эффективно для обеих сторон было сотрудничество на алгебре и геометрии. Любая контрольная

начиналась с того, что Ленка переписывала на листочек задания своего варианта, и пока я начинала решать её задачи и примеры, она на другом листочке строчила условия задач моего варианта. Закончив переписывание, она подвигала мне листок с моими заданиями, я начинала работать над своим вариантом, а она продолжала решать то, что уже было начато мною. В общем, нерешённых задач у Ленки никогда не было.

Польза пользой, но главным для меня было то тепло, какое я всегда получала от неё. Насмешливое, не серьёзное, но такое неповторимое!

У нас в классе все до того гармонично дополняли друг друга, что уход любого одноклассника тут же создавал чувствительную брешь в нашем эмоционально насыщенном пёстром мирке. Наверняка для многих сторонних читателей покажется удивительным, но мы с девчонками помним всех своих одноклассников, даже тех, кто уехал после первого класса, не говоря уж о тех, с кем мы проучились семь-восемь лет!

Кроме Ани, после седьмого класса уехало сразу несколько ребят. Это были наши первые, пока ещё не безвозвратные, но весьма ощутимые потери. В Москву уехал Андрей Алексеев, на Украину — Жанна. Мозаика нашего класса уже становилась неполной, с пробелами.